

Не забудутся герои веки-повёку,
Заслуженную славу много сотен лет.
Да во тую ли Москву народ съезжается,
Да на Красную площадь собирается.
Как тут Ленин во большой Москве
Заводил почестей пир, да пированьице,
Да для сильных могучих богатырей
Да для Красной Армии великой,
Да для всего народа-трудящихся.
Да ведь тем эта былиночка покончилась.

И. В. СТАЛИН В ДИАЛОГАХ С ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ

Выступление И. В. Сталина на встрече с украинскими литераторами <12 февраля 1929 г.>

То же самое насчет национальной культуры надо сказать. Объединить национальную культуру на базе общего социалистического содержания путем усиления развития национальных культур. Так стоит вопрос. Этого люди не понимают. Ежели вы, марксисты, думаете, что когда-либо создастся общий язык (а это будет, это будет не русский язык, не французский, национальный вопрос нельзя в одном государстве решить, национальный вопрос стал и внегосударственным уже давно), если когда-либо общий язык создастся, — он создастся безусловно, — то это после того, как мировая диктатура пролетариата будет завоевана, так долго только спустя после этого, когда социализм будет утверждаться не в одной стране, а во всех странах. Так вот — развитие национальных культур в эпоху диктатуры пролетариата, максимальное развитие, покровительство национальным культурам, потому мы этим культурам покровительствуем для того, чтобы они, исчерпав вовсю себя, и создали почву для развития языка во всем мире не русского, а международного языка. Когда это будет?

Слишком далеко до того времени. Ленин прав, говоря, что это долго — после того, как установится во всем мире международная диктатура пролетариата. Вот как ставится вопрос. Люди, марксисты, мыслящие слишком просто, упрощающие сложнейшие вопросы национального развития, люди, которые некоторые толкования не понимают, а в этих толкованиях все дело, не понимают того, что мы хотим подготовить элементы... не могут переварить того, что мы хотим подготовить элементы международной социалистической культуры путем предельного развития национальной культуры, точно так же не понимают, как мы хотим прийти к уничтожению классов путем усиления классовой борьбы, или как мы хотим прийти к отмиранию государства путем небывалого расширения функций этого государства, или как мы хотим добиться объединения народов разных стран путем их разъединения путем освобождения их от какого-либо гнета, путем предоставления им права на образование национального государства. Кто не понимает этой жизненной постановки вопроса, тот не понимает, что мы проводим политику максимального развития национальной культуры с тем, чтобы она исчерпала себя до конца и чтобы затем была создана база для организации международной социалистической культуры не только по содержанию, но и по форме.

Было бы ошибочно, если бы кто-либо думал, что в отношении развития национальной культуры отсталых национальностей будто бы центральные работники держатся политики нейтралитета: ну, дескать, развивается национальная культура, так пусть ее — развивается на здоровье, наше дело сторона. Такая точка зрения была бы неправильна. Мы стоим за покровительственную политику в отношении развития национальной культуры у отсталых национальностей. Это я подчеркиваю, чтобы те упрощения, которые имеются в этом вопросе, поняли, что мы не сторона, а активные деятели, покровительствующие развитию национальной культуры. Мы стоим за то, чтобы культуру, духовный багаж, имеющийся у данной национальности, сделать достоянием всего народа.

На каком, например, языке мы можем поднять культуру Украины? Только на украинском. Перед нами стоит примитивная проблема, разрешение которой стоит дорого и которая уже разрешена во многих государствах, это проблема первоначаль-

ного всеобщего обязательного обучения. Мы должны добиться того, чтобы рабочий и крестьянин приходили на фабрику и завод, или на сельскохозяйственное предприятие, грамотными, имея по крайней мере 4-классное образование. Этой ступени достигли уже давно такие государства, как Германия, Англия, Франция, Швейцария и т. д. На каком языке этого можно достигнуть? На русском? Только на родном языке. Если мы хотим широкие массы народа поднять на высшую ступень культуры, или не на высшую, а хотя бы на среднюю или даже низшую ступень культуры, мы должны родной язык каждой национальности развивать максимально, потому что только на родном языке мы можем достигнуть этого. Другого средства для поднятия культурности масс, кроме родного языка, в природе не существует.

Вот почему совершенно неправильным и ошибочным было бы занимать позицию нейтралитета в отношении развития национальной культуры. Тогда мы должны признать, что никакой промышленности не поднимем и никакой обороны не создадим. Ибо отчего зависит обстановка обороны страны? От культурности населения, от того, каков будет наш солдат, разбирается ли он в элементарных понятиях культуры, может ли он пользоваться, например, компасом, разбираться в картах, есть ли у него хотя бы примитивная грамотность, культура, чтобы он мог понять приказы и т. д. Если этих элементарных условий нет, мы не можем создать настоящую оборону страны. Точно так же нам совершенно не безразлично, в каком состоянии поступают рабочие на наши заводы и фабрики. Ведь мы перевооружаем теперь нашу промышленность и начинаем перевооружать и сельское хозяйство, потому что при старых орудиях крестьянин не сможет справиться с задачами и требованиями, которые предъявляются выросшей промышленностью и всем хозяйством. Повторяю, нам совсем не безразлично, в каком виде поступают на наши фабрики и заводы рабочие, культурны они или не культурны. Это очень серьезный вопрос. Никакой серьезной индустрии развить мы не сможем, не сделав все население грамотным.

Пустяки всё, если думают, что можно совершенно некультурных людей, неграмотных людей можно заставить так же развить свой труд и так же использовать машины, как это делается народами, где культурность на высокой ступени находится. Так вот, даже для осуществления самой элементарной про-

паганды поднятия грамотности, даже для этого национальная культура является тем воздухом, без которого мы шагу вперед сделать не можем. Вот почему какой-нибудь нейтралитет, даже косвенный, он уже преступен, он — против интересов пролетариата, против партии, против народа.

Вы спрашиваете, какие перспективы национальной культуры. Ясно, она будет развиваться. Конечно, мы могли бы, придя в страну, сказать: «ну мы маленько подождем, как будет партийный аппарат национализироваться на Украине, литература, профессиональный аппарат, государственный и проч.» Мы на это так смотреть не можем, мы должны это дело двинуть вперед активно. Вот насчет темпа — в этом и состоит покровительственная политика советской власти в отношении развития национальных культур, т. е. то, чем советская власть принципиально отличается от всякой другой власти. А всякая другая власть боится развивать национальную культуру, потому что по буржуазному — развитие других национальностей есть решение в сторону... *(не слышно)*.

Перспективы какие? Перспективы такие, что национальные культуры даже самых малых народностей СССР будут развиваться, и мы будем им помогать. Без этого двинуться вперед, поднять миллионные массы на высшую ступень культуры, и тем самым сделать нашу промышленность, наше сельское хозяйство обороноспособными, — без этого мы не сможем. Крестьянин — одно дело, если он 4 класса прошел, некоторые элементарные агрономические знания приобрел, если может ориентироваться, такой крестьянин поднимает сельское хозяйство; другое дело — абсолютно безграмотный, элементарных знаний нет. На каком языке его образовывать? Только на народном, потому что других языков он не знает. Перспективы такие, что национальные культуры будут развиваться, а советская власть должна развитию национальных культур помогать. Об этом т. Каганович говорил с вами, долго я распространяться не буду, но два слова скажу, что надо различать в национальной культуре две стороны: форму и содержание.

Когда говорят — форма ничего не значит, — это пустяки. От формы страшно много зависит, без нее никакого содержания не бывает. Форма — национальная, содержание — социалистическое. Это не значит, что каждый литератор должен стать соци-

алистом, марксистом и проч. Это не необходимо. Это значит, что в литературе, поскольку речь идет о литературе, должны появиться новые герои. Раньше обычно героев иных выдвигали, теперь должны появиться герои из народа, из крестьян, из буржуазии — в том освещении, которого они заслуживают.

Взять, например, таких попутчиков, — я не знаю, можно ли строго назвать попутчиками этих писателей, — таких писателей, как Всеволод Иванов, Лавренев. Вы, может быть, читали «Бронепоезд» Всеволода Иванова, может быть, многие из вас видели его, может быть, вы читали или видели «Разлом» Лавренева. Лавренев не коммунист, но я вас уверяю, что эти оба писателя своими произведениями «Бронепоезд» и «Разлом» принесли гораздо больше пользы, чем 10–20 или 100 коммунистов-писателей, которые пичкают, пичкают, ни черта не выходит: не умеют писать нехудожественно.

Взять, например, этого самого всем известного Булгакова. Если взять его «Дни Турбиных», чужой он человек, безусловно. Едва ли он советского образа мысли. Однако своими «Турбинами» он принес все-таки большую пользу, безусловно.

КАГАНОВИЧ: Украинцы не согласны (*шум, разговоры*).

СТАЛИН: А я вам скажу, я с точки зрения зрителя сужу. Возьмите «Дни Турбиных», — общий осадок впечатления у зрителя остается какой? Несмотря на отрицательные стороны, — в чем они состоят тоже скажу, — общий осадок впечатления остается такой, когда зритель уходит из театра, это впечатление несокрушимой силы большевиков. Даже такие люди крепкие, стойкие, по-своему честные в кавычках, как Турбин и его окружающие, даже такие люди, безукоризненные по-своему и честные по-своему в кавычках, должны были признать в конце концов, что ничего с этими большевиками не поделаешь. Я думаю, что автор, конечно, этого не хотел, в этом он неповинен, дело не в этом, конечно. «Дни Турбиных» — это величайшая демонстрация в пользу всеокрушающей силы большевизма.

ГОЛОС: И сменовеховства.

СТАЛИН: Извините. Я не могу требовать от литератора, чтобы он обязательно был коммунистом и обязательно проводил партийную точку зрения. Для беллетристической литературы нужны другие меры — не революционная и революционная,

советская — не советская, пролетарская — не пролетарская. Потребовать, чтобы и литература была коммунистической, нельзя. Говорят часто: правая пьеса или левая, там изображена правая опасность. Например, «Турбины» составляют правую опасность в литературе. Или, например, «Бег», его запретили, — это правая опасность. Это неправильно, товарищи. Правая и левая опасность — это чисто партийное.

Правая опасность — это значит люди несколько отходят от линии партии, правая опасность внутри партии. Левая опасность — это отход от линии партии влево. Разве литература партийная? Это же не партийная, конечно, это гораздо шире литература, чем партия, и там мерки должны быть другие, более общие. Там можно говорить о пролетарском характере литературы, об антипролетарском, о рабоче-крестьянском характере, об антирабоче-крестьянском характере, о революционном, не революционном, о советском, антисоветском. Требовать, чтобы беллетристическая литература и автор проводили партийную точку зрения, — тогда всех беспартийных надо изгонять. Правда это или нет?

Возьмите Лавренева, попробуйте изгнать человека, он способный, кое-что из пролетарской жизни схватил, и довольно метко. Рабочие прямо скажут, пойдите к черту с правыми и левыми, мне нравится ходить на «Разлом» и я буду ходить, — и рабочий прав. Или возьмите Всеволода Иванова «Бронепоезд». Он не коммунист, Всеволод Иванов. Может быть, он себя считает коммунистом (*шум, разговоры*). Ну он коммунист липовый (*смех*). Но это ему не помешало написать хорошую штуку, которая имеет величайшее революционное значение, воспитательное значение бесспорно. Как вы скажете — он правый или левый? Он ни правый, ни левый, потому что он не коммунист. Нельзя чисто партийные мерки переносить механически в среду литераторов.

Я считаю, что тов[арищ] в очках, там сидящий, не хочет меня понять. С этой точки зрения, с точки зрения большего масштаба, и с точки зрения других методов подхода к литературе я и говорю, что даже и пьеса «Дни Турбиных» сыграла большую роль. Рабочие ходят смотреть эту пьесу и видят: ага, а большевиков никакая сила не может взять! Вот вам общий осадок впечатлений от этой пьесы, которую никак нельзя назвать советской.

Там есть отрицательные черты, в этой пьесе. Эти Турбины по-своему честные люди, даны как отдельные оторванные от своей среды индивиды. Но Булгаков не хочет обрисовать настоящего положения вещей, не хочет обрисовать того, что, хотя они, может быть, и честные по-своему люди, но сидят на чужой шее, за что их и гонят.

У того же Булгакова есть пьеса «Бег». В этой пьесе дан тип одной женщины — Серафимы и выведен один приват-доцент. Обрисованы эти люди честными и проч. И никак нельзя понять, за что же их, собственно, гонят большевики, — ведь и Серафима, и этот приват-доцент, оба они беженцы, по-своему честные неподкупные люди, но Булгаков — на то он и Булгаков — не изобразил того, что эти, по-своему честные люди, сидят на чужой шее. Их вышибают из страны потому, что народ не хочет, чтобы такие люди сидели у него на шее. Вот подоплека того, почему таких, по-своему честных людей, из нашей страны вышибают. Булгаков умышленно или не умышленно этого не изображает.

Но даже у таких людей, как Булгаков, можно взять кое-что полезное. Я говорю в данном случае о пьесе «Дни Турбиных». Даже в такой пьесе, даже у такого человека можно взять кое-что для нас полезное. Почему я все это говорю? Потому, что и к литературе нужно прилагать более широкие масштабы при оценке. Правый или левый не подходит. Можно говорить — пролетарский или антипролетарский, советский или антисоветский.

Взять, например, «Бруски» Парфенова [так в тексте стенограммы. Правильно — Панферов. — *Ред.*]. Сейчас самым характерным для деревни является то, что нет одной деревни. Есть две деревни. Новая деревня, которая поворачивается к городу, ждет от него тракторов, агрономических знаний и т. д., хочет жить по-новому, по-новому работать, связаться с городом. Это новая деревня. И есть старая деревня, которая чихать хочет на все новое, на трактора, на агрономические знания и т. д. Старая деревня хочет жить по старинке, — и гибнет. У Парфенова в «Брусках» замечательно обрисовываются эти две деревни, их борьба между собой. Должна ли быть литература, рисующая деревню, крестьянской? Вот парфеновские «Бруски». Парфенова нельзя назвать крестьянским писателем, хотя он в своем произведении пишет только о крестьянстве, а о городе у него нет ни слова.

Или взять другое, менее известное произведение «Катя Долга» Коробова. Коробов замечательно изображает здесь плутни кулаков, всякие их махинации. Прекрасно показано, как новая деревня растет, как новые типы крестьян народились. Это не такой крестьянин, который неряшливо, обязательно грязно живет, нет, он и в красноармейцах побывал, кое-кто из них на фабриках и заводах был, кое-каких знаний нахватался, читает книжку, по-новому хочет сельское хозяйство вести, все ждут крестьяне, что они получают трактор, организуют коллективное хозяйство и поведут дело так, чтобы земля давала в два-три раза больше. Тут новая деревня изображена великолепно.

Конечно, неправильно, когда говорят, что на Украине литература должна быть чисто крестьянская. Неправильно это. Совершенно правильно то, что раньше рабочие на Украине были русские, а теперь — украинцы. Состав рабочего класса, конечно, будет меняться и будет пополняться выходцами из окружающих деревень. Это общий закон национального развития во всем мире. Если вы возьмете венгерские города лет 40 тому назад, они были немецкими, а теперь стали венгерскими. Возьмите латышские города — они раньше были эстонские, теперь стали латышскими. Состав рабочего класса должен пополняться из окружающих деревень. За волосы нельзя вытаскивать национальности, это трудно и может вызвать отпор со стороны русских элементов и дать некоторый повод русским шовинистам; но если взять естественный процесс, — не отставать от этого процесса, — национализация пролетариата должна быть и шаг за шагом должна идти. Это общий закон, и смычка национальная, смычка между городом и деревней пойдет.

Украинские рабочие в качестве героев произведений будут выступать, их много теперь. Даже коренные русские рабочие, которые отмахивались раньше и не хотели изучать украинского языка, — а я знаю многих таких, которые жаловались мне: «не могу, тов. Сталин, изучать украинский язык, язык не поворачивается», — теперь по-иному говорят, научились украинскому языку. Я уже не говорю о новых рабочих, за счет которых будет пополняться состав рабочего класса. У вас сложится такая литература, как здесь, у русских. Там будут изображены и рабочие, и крестьяне, и буржуазия, отрицательно или положительно, — все зависит от вкуса. Они будут изображены так

же, как и в других советских странах. И разговоры насчет того, что у вас только крестьянская литература должна быть в смысле героев, они скрывают некоторый шовинизм насчет того, что, мол, плохо дело пошло; даже работники Украины как бы затормозили это дело и считают, что литература для рабочих должна быть русская, а для крестьян — украинская. Это — сознательная или бессознательная махинация у людей, которые не хотят понять того, что рабочий класс все время будет пополняться выходцами из окружающих деревень. Вот вам вопрос о перспективах.

Значит, о судьбах национальных культур в эпоху перехода к социализму в эпоху диктатуры пролетариата и о характере украинской литературы я сказал. <...>

Е. МИКУЛИНА

Личные впечатления о Сталине

<Москва 8–11 мая 1929 года>

Как пришла мне в голову дерзкая мысль послать свой сборник очерков о социалистическом соревновании тов. Сталину — я сама не знаю. Я не могу точно уловить момента ее возникновения и того исходного пункта, от которого она могла зародиться.

Я знаю только то, что, когда я написала большую половину книги, утром, лежа в постели, я перебирала в уме написанное, и у меня вдруг явилась необыкновенная уверенность в важности и правдивости очерка. И показалось очень простым отдать их прочесть Сталину. Именно ему, потому что никому из вождей недорога так индустриализация, как ему. От этой мысли я закончила книгу в четыре дня. На меня напала какая-то лихорадка творчества. Я больше волновалась, чем писала.

Но вот книга была написана. Я понесла ее в ГИЗ к своему издателю Файбышеву. Перелистывая брошюру, он поморщился: «Как бы мне не попало за эту книгу. Сектор ведь у меня крестьянский, а в книге больше говорится о рабочих». Мне стало страшно за судьбу книги. Неужели никто не узнает, как проходит на фабриках соревнование? Я сказала ему: «Знаете что? Я снесу ее в ЦО Работниц на отзыв». В тот момент, когда я говорила с ЦО Работниц, у меня снова возникла мысль отнести книжку Сталину. Но как, как это